«Помогите, пожалуйста!»
Акция газеты «Не дай Бог!» стр. 2

Читатели не стесняются в выражениях стр. 5

Кто мы такие? стр. 6

НЕ ДАЙ БОГ!

Газета о том, что может случиться в России после 16 июня

Основана в апреле 1996 года ◆ Выходит еженедельно ◆ **Суббота, 29 июня 1996 года, №9(9)** ◆ Распространяется бесплатно

Избиратель ошибается один раз

После 16 июня 1996 года стало ясно, что Борис Ельцин все-таки нужен своей стране. Набрав в первом туре выборов большинство голосов избирателей, он опередил всех остальных претендентов на должность самого большого российского руководителя. После того как Центризбирком сообщил этот результат, стране можно было б вытереть со лба нервный пот и расслабиться. Однако драматизм ситуации теперь заключается как раз в том, что если мы расслабимся, то ототремся тогда совсем не скоро. Правила игры во втором туре настолько иные, что это будут совсем другие выборы. Коммунисты хорошо выучили эти правила и, надо отдать им должное, ловко пользуются ими в своих целях.

Да, за Ельцина уже проголосовало большинство россиян, но штука заключается в том, что в соответствии с законом совершенно не важно, сколько избирателей примет участие в повторном голосовании. Выборы будут признаны состоявшимися даже в том случае, если опускать бюллетени в урну вообще придут три человека. И именно это сейчас крайне необходимо коммунистам. Поскольку к власти в стране их теперь может привести только меньшинство.

Почему? Давно уже подсчитано, что коммунисты в России имеют весьма стабильный электорат — приблизительно 25 миллионов человек. Это в основном пожилые люди и те, кто обижен на действующие власти за то, что они лишили их гарантированной фиксированной зарплаты, профсоюзных путевок и райкома партии. Больше этих 25 миллионов коммунистам в России не собрать. Но эти 25 миллионов человек стоят дорогого: они пойдут на выборы в полном составе даже в том случае, если эти выборы проводить как учебную пожарную тревогу, раз в неделю.

Борис Ельцин — действительно президент всех россиян. И он выиграет второй тур, если все россияне придут на выборы. В этом случае коммунистам со своими 25 миллионами ловить нечего.

Следовательно, единственный оставшийся для них выход заключается в том, чтобы на выборы пришло как можно меньше избирателей. Если люди в день выборов возьмут в руки не избирательные бюллетени, а тяпки, плавки и любимых женщин, у коммунистов появляется шанс. Пока страна будет спокойно увлекаться укропом, плаванием и любовью, они смогут спокойно избрать себе (и нам) президента.

Чем меньше избирателей, тем лучше — такова сейчас задача коммунистов. И надо сказать, что решают они ее вполне конкретно. После первого тура Ельцин обратился к Думе с предложением объявить среду, 3 июля выходным днем, чтобы Центризбирком смог назначить выборы на этот день. Казалось бы, вполне логично. Выборы президента страны — событие достаточно серьезное, чтобы уделить ему один день среди недели. Обычный день, когда на избирательные участки могла бы прийти почти вся Россия.

И что, вы думаете, коммунисты согласились? Да ничего подобного. Они стали готовить свой собственный законопроект. Его суть: выборы — в пятницу, 5 июля. И пятницу сделать выходным. Казалось бы, какая разница? А вы что, не поняли? Три выходных дня. Еще в четверг, накануне выборов, все мы, мучимые искушением, плюем на политику и едем копать укроп на участок. Но только далеко не избирательный. Чего, собственно, коммунистам и надо.

Планы коммунистов президент расстроил, оперативно отозвав из Думы свой законопроект. День выборов в итоге назначен решением правительства на 3 июля. Но вся эта думская чехарда стоила людям выходного. Так как правительство может лишь переносить дни отдыха, а устанавливать лишние выходные — среди недели — не может, не имеет права. Это может сделать только Дума. В которой коммунисты, еще накануне пекшиеся об отдыхе трудящихся, воспользоваться своим правом раздавать народу выходные что-то сразу расхотели.

Думаете, коммунисты на этом успокоились? Ничего подобного. С 5-м числом у них не получилось. Зато очень хорошо получилось с графиком работы избирательных участков. Депутаты некоммунистических фракций специально внесли предложение увеличить время, отведенное на волеизъявление, и проводить выборы не с 8 до 22 часов, а с 6 утра до полуночи — чтобы времени проголосовать хватило всем желающим.

Надо ли говорить, что коммунисты не пропустили, заблокировали это предложение? Думский комитет по законодательству, возглавляемый коммунистом Анатолием Лукьяновым, порешил, что вносить какие-либо изменения в избирательное законодательство перед вторым туром недопустимо. Оказалось, что дополнительные четыре часа на голосование коммунисты готовы дать избирателям. Но знаете, когда? В 2000 году. На следующих президентских выборах.

В этой связи требуется сказать слова, при советской власти вызывавшие у всех нас законное омерзение: «Все на выборы!». Да, все на выборы! Нету у нас теперь другого выхода. Иначе совсем другие люди решат, как все обустроить в нашей с вами стране! Не дайте им потратить вашу жизнь так, чтобы потом было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Потому что сейчас мы все слишком сильно зависим друг от друга. Потому что пока еще у нас есть возможность всем вместе решить, какой будет после выборов наша родина, Российская Федерация.

Я был коммунистом. Больше не буду

Два месяца назад корреспондент «Не Дай Бог!» ИГОРЬ ВЕРЕЖАН получил задание: стать коммунистом.

Рядовым и как можно более полезным. И на своем примере показать, как работает закрытая для журналистов «партия нового типа», что конкретно делает для страны и чем в конце концов отличается от осужденной ею же КПСС.

Наш корреспондент честно проработал в нескольких партячейках, заслужил авторитет товарищей и не сделал карьеру только потому, что это не входило в редакционные планы.

Но пользу стране ему за два месяца принести не удалось. Как, впрочем, и его соратникам по партии.

Моя цель — коммунизм

Древняя пятиэтажка под снос, выбитые стекла, сломанные рамы, теплый запах мочи в подъезде, два бомжа на площадке второго этажа, один спит под тряпками, другой просто пьяный, черная железная дверь, звонок, румяная старушка, «проходите», два кухонных стола под клеенкой, десяток разномастных стульев, шесть молодых людей, две старушки, прислоненный к стене огромный барельеф Ленина (как его сюда втащили?), рядом еще комнатка, с ободранным письменным столом и еще одним Лениным, поменьше, но металлическим, еще один старичок во главе стола: видимо, начальник... Все правильно: платформа Сетунь, Толбухина 13, корп. 1, кв. 16. Кунцевский райком КПРФ. Меня здесь уже ждали.

В доверие к коммунистам я вошел через газету. За полчаса набросал статейку о буржуазном влиянии рекламы на народ. Коллеги по «Не дай Бог!» сказали, что заметка — дрянь даже с коммунистической точки зрения и никто печатать ее не будет. Но редактору «Правды России» Леониду Чиркову понравилось, и он с ходу решил публиковать. Под названием «Она как оса лезет в глаза» заметка была опубликована 25 апреля. С этой газетой я стал ходить как с партбилетом. Позднее, когда давал ее читать товарищам по партии, они жали мне руку и на память цитировали строки о кока-коле, в которой утонуло классовое чутье народа.

Разумеется, под такую рекомендацию мне ничего не стоило получить конспиративный (он же домашний) телефон моего первого руководителя — секретаря Кунцевского райкома Сергея Гавриловича Шувалова. Другая заметка, «Реклама как двигатель торговли рабами» (я ее даже публиковать не стал, просто всем показывал) понравилась самому Виктору Анпилову. Вождь РКРП меня похвалил, указал на некоторые ошибки и посоветовал читать Герберта Уэллса. Ну а третью заметку во славу коммунизма я даже и писать поленился: просто пообещал секретарю Москворецкого райкома Владимиру Васильевичу Суслину сделать с ним интервью для «Правды России» и под это дело вступил в ряды КПРФ 21 мая 1996 года.

Успешному внедрению в партийные ряды способствовал еще один тактический ход. Я не никогда скупился на пиво, а на V съезде РКРП в Челябинске — даже на бутерброды с красной рыбой. Под пиво и рыбу меня, неаккредитованного, стали пускать в зал и не выгнали даже при зачитывании секретного решения создать при партии военсовет.

Но главный мой козырь был далек как от пива, так и от журналистики. С самого начала и до конца своей политической деятельности представлялся бизнесменом из Дании, продавцом нижнего белья фирмы JBS, имеющим, кроме трусов и маек, предложение от датской компартии возобновить межпартийную связь. Последнее, кстати, не совсем безбожное вранье. Я действительно позвонил секретарю датской компартии (нашел его телефон через посольство), представился русским коммунистом и получил о`кей на сотрудничество. После этого он мог подтвердить знакомство со мной при любой проверке, но этого не потребовалось. На всех партийных уровнях для подтверждения моей личности хватало синих датских трусов. Под этим «флагом» я завоевал авторитет у лидеров уровня Анпилова, обещавшего навести меня с трусами на сеть партийных магазинов.

Пора было переходить от слов (то есть от вранья) к делу.

Наше дело — левое

За день до своего приема в КПРФ я смог убедиться, как виртуозно коммунисты умеют устраивать очередь. Очередь от 20 мая была за бесплатными квартирами. Ну, не совсем бесплатными — за миллион рублей — зато уже в 1996 году и для всех желающих записаться в МЖК. Желающих набился полный ДК «ЗиЛ», пришли с младенцами и стариками, завороженно слушали докладчика, несшего полнейшую чушь про огромные кредиты и налоговые льготы и какой-то якобы одобренный Думой закон. Впрочем, докладчик (один из руководителей Профессиональной ассоциации бокса Игорь Губкин) не особенно скрывал первоочередной задачи оргкомитета МЖК: собрать 5 тысяч добровольцев, то есть 5 млрд руб. «на первое время». Завершилось выступление, как полагается, давкой к анкетам.

После собрания я разговорился с одним из его организаторов, 26-летней коммунисткой Ириной Неклюдовой, дочерью бывшего члена ЦК.

— Это же все туфта, — говорила Ира, — все это сделано, чтобы подстегнуть их перед выборами.

— А ты сама записалась?

— Конечно.

— Будешь отрабатывать?

— За мои заслуги меня и так примут.

Между прочим, дутый МЖК был самой серьезной предвыборной акцией знакомых мне коммунистов. Разумеется, я понимал, что от партийной верхушки никакой работы, кроме предвыборной борьбы, ждать не приходится — потому и внедрялся в низовые структуры. Ожидая увидеть здесь хотя бы имитацию общественно полезной деятельности: выявление антинародных элементов, нуждающихся ветеранов, анализ потенциальных рабочих мест... Или по крайней мере строгие указания на этот счет «сверху». Но так за два месяца и не дождался. Даже акция «от двери к двери» по сбору голосов была свернута.

— Сейчас мы в основном малыми формами занимаемся: листовки-заборы, — сформулировал генеральное направление классовой борьбы секретарь Кировского РК Константин Жуков.

Окончание на стр. 2 >

МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ПОМОЧЬ

В позапрошлом номере «Не дай Бог!» были опубликованы письма пожилых людей, нуждающихся в помощи. А в прошлом — отклики тех, кто выразил желание им помочь. Мы решили навестить нескольких человек, которые написали нам, и узнать, дошла ли до них обещанная помощь.

«Кто поможет старикам? Не Зюганов же!»

В Новгород мы приехали рано утром. Долго искали Аркадия Яковлевича Герасимова — Хутынский проезд, где он живет, оказался деревенской улицей на окраине города.

Первое, что мы увидели в доме, — газету «Не дай Бог!» на кухонном столе. На газете лежали очки. Герасимовы перечитывают строчки про себя каждые 15 минут. Им никак не верится в то, что произошло после их письма в редакцию.

Герасимовы получили 8-й номер газеты накануне вечером. Аркадий Яковлевич внимательно прочитал ее и лег спать. Разбудил его истошный крик жены:

— Аркаша! Тут про тебя написано!

Он спросонья ничего не понял. Читал он газету, ничего такого не увидел. Оказалось, пропустил.

Из газеты «Не дай Бог!», № 8:

«Получит деньги и пенсионер-инвалид Аркадий Яковлевич Герасимов из Новгорода. Он потерял способность передвигаться, а получить „запорожец“ с ручным управлением ему не удается уже несколько лет. Полмиллиона перевел Аркадию Яковлевичу издатель и редактор газеты „Казанский телеграф“ Андрей Морозов. „Больше, увы, не могу! Но надеюсь, беда новгородского фронтовика привлечет не только мое внимание“, — сообщил он нам.

Александра и Аркадий Герасимовы долго не верили своим глазам, когда прочитали 8-й номер «НДБ!». А когда поверили, сели писать ответ.

И оказался прав. Еще 5 миллионов перечислил Аркадию Герасимову новосибирский региональный центр „АвтоЗиЛ“. Генеральный директор центра Л. В. Алексеев сказал нашему корреспонденту: „Страна сейчас переживает трудный переходный период, и мы, молодые, должны помогать одиноким старикам. Кто им еще поможет? Не Зюганов же!“».

Герасимовы не знали, куда нас усадить и чем накормить. Аркадий Яковлевич очень болен и почти не ходит. Неважно чувствует себя и Александра Андреевна. Они практически не выходят из дома. Их навещает только дочка, приносит продукты, оплачивает коммунальные счета. Герасимовым стыдно, что так получается на старости лет.

Три года назад у них была «пятерка». Аркадий Яковлевич работал на нее полжизни. Герасимов спокойно колесил на ней по всему городу и не забывал благодарить судьбу. Однажды утром он не нашел машины в гараже. Обратился в милицию.

— А, — сказали, — так это, наверное, твоя машина догорает под Хутынью.

Трое юношей угнали «пятерку», покатались, а потом облили бензином и сожгли.

Юношей нашли, был суд, их посадили. Обязали выплачивать стоимость машины. За три года Герасимов получил 50 тысяч рублей. Перевод с ними пришел четыре месяца назад.

Он пробовал жить без машины. Пытался ездить на автобусе. В День Победы надел единственный костюм, медали и ордена, поехал в центр города, на праздник. Начал спускаться с подножки автобуса, подвернул ногу и упал прямо в грязь. Вернулся. Жена сначала бранилась: «Пьяный ты, что ли?», а потом расплакалась.

К кому он только ни обращался. Последним, кому написал, был Жириновский.

— Все ему рассказал. Как обороняли Москву. Как потом пошли в наступление и под городом Вележем на границе Смоленской и Калининской областей меня ранило. Перебило челюсти, спину, бедро. Года полтора в госпитале валялся. Написал ему, как живу сейчас.

Он получил ответ.

— Ответил мне сам, письмом от руки. Я, говорит, сожалею, но я все время в опале, — рассказывал Аркадий Яковлевич. — Вот если я приду к власти, тогда разговор будет другой. А для этого голосуйте за меня.

Герасимов порвал письмо.

Аркадий Яковлевич рассказывает обо всем этом, и руки у него начинают трястись. Он мнет скатерть, дребезжат чашки. Кошка, которая сидела в другом углу комнаты, подбегает и начинает тереться о его ноги.

— Не волнуйся, Аркаша, ради Бога, — кидается к нему и Александра Андреевна.

— Все, что у меня в жизни хорошего было, с Шурой связано, — говорит потом Аркадий Яковлевич. — Начиная со знакомства.

Они живут вместе скоро уж полвека.

— Многие на нее тогда смотрели. Даже картины в ее честь рисовали. Видал?

Он показал на стену. На стене висит большая — метр на метр — картина «Девушка с венком».

— Акварель, — с гордостью сказал Аркадий Яковлевич. — Жене после войны один солдат подарил. Ради нее и рисовал. Влюбился он в нее, что ли?

Александра Андреевна покраснела.

Когда мы прощались, Аркадий Яковлевич все допытывался, кому можно написать благодарность за помощь. Ну, региональному «АвтоЗиЛу». А может, в мэрию? Как ему быть-то?

Вот какое письмо написал в конце концов Аркадий Яковлевич Герасимов:

«Уважаемый генеральный директор „АвтоЗиЛа“ Л. В. Алексеев! Я до самой смерти буду помнить Вас и чтить память Ваших родителей, воспитавших Вас, за доброе сердце и любовь к ветеранам войны. Я инвалид Отеч. войны, страдающий здоровьем (плохим), три года обращался во все инстанции о помощи, но никто, ни один начальник не мог мне помочь в моем горе, а именно Вы с душевной любовью оказали мне помощь, за которую я не забуду Вас всю оставшуюся жизнь. Преклоняюсь перед Вами, очень Вас благодарю».

Деньги пришли. Диагноз не подтвердился!

Из Новгорода мы отправились в Псков, где живет семья Ефимовых. И здесь нас подстерегала неожиданность.

Из газеты «Не дай Бог!», № 8:

«Пенсионер Анатолий Ефимов из Пскова написал в своем письме о том, что у его жены нашли рак. На операцию нужно 3 миллиона 400 тысяч. Есть только миллион, а операция, конечно, нужна срочно.

Недостающие 2 миллиона 400 тысяч буквально через день после выхода газеты перечислила Анатолию Ефимову казанская фирма „Сиразин и К“, занимающаяся производством высококачественной плитки, красок, лаков и эмали».

Дверь нам открыла Зоя Сергеевна, жена Анатолия Александровича. Она была смущена.

— Дорогие мои, как же быть-то? У меня ведь сразу две радости. Во-первых, деньги пришли. А во-вторых, диагноз не подтвердился. Нет у меня рака!

Собственно, оказалось, что Зоя Сергеевна и не знала о том, что ее муж Анатолий Александрович написал письмо в «Не дай Бог!»

— Вы с ним, с ним поговорите! — упрашивала она, окончательно смущенная происходящим. — Я же ничего не знаю!

Оказалось, Анатолий Александрович сейчас на пенсии. Получает 150 тысяч в месяц. Деньги уходят на то, чтобы оплатить уколы жене. 20 уколов стоят 70 тысяч. Он тоже был рад и озадачен, когда получил деньги из Казани.

— Я обязательно верну, все до копейки. Заработаю и верну. Пусть только жене операцию сделают. Хоть диагноз, слава Богу, не подтвердился, операция все равно нужна. Так что огромное спасибо!

Справится ли летчик с трактором?

На наше желание помочь была, впрочем, и другая реакция.

«Липецкая газета», май 1996 года. Из статьи «Шпионы бывают не только героями детективных романов»:

«Нельзя исключать, что отдельные лица, прибывающие к нам якобы для оказания помощи и для установления деловых контактов, непосредственно связаны со спецслужбами иностранных государств. Все больше данных, которые прямо указывают на то, что спецслужбы используют глубокие прикрытия в транснациональных компаниях для ведения легальной разведки против России».

Эту статью положили на стол Людмиле Михайловне Спасской из села Докторово Липецкой области участливые доброжелатели, когда узнали, что редакция «Не дай Бог!» решила помочь семье Спасских и приобрела для нее мини-трактор.

Людмила и Николай Спасские надеются, что на мини-тракторе преодолеют теперь все свои несчастья

— Подумай, Михайловна, — сказали ей. — Обстановка сейчас сложная. Посмотри, что областная пресса пишет. А если это шпионы хотят к тебе внедриться?

Людмила Михайловна занервничала. Да еще председатель колхоза стал на нее косо смотреть, начал придираться по каким-то пустякам, поругался и с ней, и с ее мужем. Село хихикало: ну что, Михайловна, дождалась мини-трактора?

Она дождалась. Мы привезли мини-трактор рано утром. Муж Людмилы Михайловны Николай Иванович и сын Андрей выгрузили его. Первым за трактор сел сосед Спасских, фермер Николай. У него самого есть большой трактор.

Мини-трактор завелся и поехал.

— Ну и что же теперь с ним делать? — шепотом спросил Андрей у отца.

Отец не слышал его. Он смотрел на трактор. Потом сам решился сесть за руль. А после этого подошел ко мне и сказал:

— Спасибо, но я не могу принять такой подарок. В письме вам мы написали, что хотим обменять на мини-трактор нашу библиотеку. Только на таких условиях.

Мне пришлось пообещать Николаю Ивановичу, что при оказии, если будем вдруг как-нибудь проезжать мимо, заберем библиотеку. Только тогда он смирился с тем, что у него теперь есть мини-трактор, который может пахать, боронить, сеять, окучивать, культивировать, косить. Да на все способен мини-трактор.

— Теперь, может быть, справимся, — сказала Людмила Михайловна. — А то такое отчаянье было, что хоть в петлю лезь.

Они городские жители. Николай Иванович — летчик. Летал на разных самолетах, последние годы на Ан-24. Жили в Чимкенте. Им очень нравился и город, и люди, которые там жили. А потом врачи сказали, что Людмиле Михайловне надо срочно уезжать из Чимкента. У нее астма, нужно было менять климат. Так они оказались в селе Докторово Лебедянского района Липецкой области. Тогдашний председатель колхоза дал им почти городскую квартиру.

Долго работали в колхозе. Потом решили выйти. Дела у «Рассвета» шли все хуже и хуже. Выручала их только буренка да еще гектар земли, который дали им, как и всем жителям села, в обработку. Но и за этим гектаром нужен был уход. Четырех рук не хватало, работали с утра до ночи на огороде и на этом гектаре, а толку все равно было мало. Они и стали мечтать о мини-тракторе.

А у Людмилы Михайловны еще и астма. Тюбик «беротека» стоит 62 тысячи. В месяц нужно три тюбика. Вся ее пенсия на них и уходит.

Денег так катастрофически не хватало, что 30-летний сын Спасских Андрей на три месяца поехал в Чечню. Родители были измучены безденежьем и не возражали. Он был санинструктором, принимал участие в боях. Шатой, Веденo. Получил за свою работу пять миллионов. Выдавали их в Твери. Ночь ему пришлось провести на вокзале. Проссался — денег нет.

Недавно он хотел снова поехать — платить сейчас стали больше, но не прошел медкомиссию, подвело сердце.

Так что мини-трактор им очень нужен.

— Справитесь, Николай Иванович? — поинтересовался я перед отъездом.

— Я же пилот 1-го класса, — снисходительно рассмеялся он. — Конечно, справлюсь.

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошлом номере «Не дай Бог!» мы предложили создать российский фонд помощи, основной задачей которого было бы помогать встретиться тем, кто нуждается в помощи, и тем, кто хочет эту помощь оказать.

И были удивлены, как скоро откликнулись состоятельные читатели нашей газеты на письма нуждающихся в помощи одиноких пожилых людей. Это, конечно, обрадовало. Это значит, что людям в России еще есть дело до несчастий друг друга.

Старикам очень трудно сейчас. Они понемногу угасают на наших глазах. И смотрят — устало, участливо. Как будто жалеют, что тебе еще жить да жить. Так уж получилось, что на старости увидели они, как рухнуло все, что они всю жизнь тщетно пытались строить. Так уж получилось, что оказались у разбитого корыта. Нет у них сил начинать все с нуля. Им сейчас очень нужна помощь.

И мы обращаемся ко всем одиноким старикам России. Если вам трудно, если нужна поддержка, пожалуйста, напишите нам, расскажите о своей беде. Мы постараемся помочь. Обязательно постараемся что-нибудь сделать для вас. Нет, конечно, мы не строим иллюзий, едва ли удастся помочь всем, кто в этом нуждается. Да и более того, если на выборах победят коммунисты, нам, наверное, придется не другим помогать, а скорее самим просить о помощи. Но мы все же надеемся, что этого не произойдет. И мы сможем помочь, пусть не всем, но хотя бы некоторым из тех, кто в помощи нуждается. Пожалуйста, пишите нам.

Письма мы просим направлять по нашему обычному адресу: 125252, Москва, а/я № 50. На конвертах, пожалуйста, ставьте пометку «Фонд помощи».

Я был коммунистом. Больше не буду

Окончание. Начало на стр. 1

Этих «малых форм» — без малого килограммов десять — мне вручили бабушки уже во время первого (описанного выше) посещения Кунцевского райкома. Туда я, кстати, перестал ходить довольно скоро. Поняв, что самое интересное, что я смогу узнать в этом горниле ревсвлюции, — это где лучше стоять с пачкой листовок — слева или справа от метро, я больше там не появлялся, но регулярно звонил и докладывал о проделанной работе. Самое интересное, что меня хвалили и советовали готовиться к вступлению.

Вступать я решил для разнообразия в Москворецком райкоме, но и там кроме как грудами партийной литературы меня ничем не нагружали. А литературу я распространял по мусорным бакам. И, наверно, не я один. Во всяком случае наш секретарь Суслин, назначавший раз в неделю вылазки к Павелецкому вокзалу с газетами (всегда в рабочее время), постоянно жаловался на посещаемость. Единственным человеком кроме старушек, который всегда присутствовал на мероприятиях, был тридцатилетний Женя, парень из Калуги, который за 400 000 партийных рублей в месяц жил в райкоме (сторожке техника-смотрителя), исполняя обязанности сторожа и дежурного. Должность его не очень удовлетворяла.

— Он думает, что меня купил за 400 штук, — жаловался мне Женя на Суслина, — сам-то простой слесарь, трудно мне общаться с такими, мне лучше с умственными работниками.

Но когда у Жени было хорошее настроение, он наоборот, мечтал, что после победы секретарь посадит его на хорошую должность.

Единственное, что по-настоящему увлекало моих соратников, это конспирация. Указания «расходиться по одному», «не наследить», «не светиться» я получал после каждого инструктажа, штаба и даже обычной пьянки. Во время одной из пьянок в бывшем цековском доме я даже нарвался на тост хозяина, выпившего за то, чтобы не расстрелять меня по ложному доносу. Хозяин, 24-летний Стас Андреев, автор неопубликованного пока романа «Государственная безопасность», на безопасности этой прямо помешался. Однажды на патриотическом форуме в Лужниках он, вместо того чтобы конспектировать Зюганова, час выслеживал подозрительную личность с «демократической» бородкой. А я, проклиная редакционное задание, его «прикрывал». Допрос длился минут двадцать, после чего юный чекист вернулся ухмыляясь:

— Оказался наш человек, из «Державы», могли бы и пристрелить по ошибке. Обещал не заводить на него досье, но когда людям так говорят, они уже в списках.

И Стас отчеканил имя, должность и телефон.

В такой обстановке поневоле пожалеешь о разбросанных по помойкам килограммах листовок и газет. Чтобы подстраховаться перед вступлением в партию, попросил знакомого позвонить в райком, представиться жителем ближнего Подмосковья и сказать, что я, распространяя там литературу, забыл зонтик.

Информация о моем трудолюбии имела успех. Прием прошел быстро и легко. Я в сотый раз рассказал о партийных связях с датскими трусами и коммунистами и твердом желании идти в светлое будущее вместе с Суслиным и другими присутствующими.

— А не боишься репрессий? — пытливо спросил секретарь.

— Волков бояться — в лес не ходить.

— Смелый ответ, — похвалил Суслин.

Проголосовали единогласно, но фотографии мои на партбилет не приняли. Сказали, что цветные не положено, буржуазно.

Это был наш последний...

К выборам партия была готова как никогда. Мало того, что старушек на специальных ликбезах научили втыкать штепселя от компьютеров в розетки — сами компьютеры тоже на денек развезли по сторожкам, строительным бытовкам и советам ветеранов, предоставленным явными и тайными членами партии под предвыборные штабы. Компьютеры были совершенно необходимы бабушкам, чтобы считать.

Придя утром на избирательный участок в школу 649 я увидел там Татьяну Тимофеевну — «дотошную бабку», как охарактеризовали ее в райкоме, которая не в первый раз на выборах и демократам не спустит. На мое «здравствуйте» баба Таня прошипела: «Делай вид, что мы друг друга не знаем.» Дело в том, что зарегистрирован я был от якобы беспартийного сообщества «Гражданская солидарность», которое (по легенде) никакого отношения к КПРФ не имело. Вот баба Таня и напугалась. Так что я повернулся и поехал к начальству.

Москворецкое начальство приютил штаб Анпилова во вверенной ему бытовке РСУ. Там, под анпиловским портретом и сидели мои руководители — секретарь райкома Суслин, его зам Смородов и пятидесятилетняя активистка Нина. Оперативная связь поддерживалась через телефоны-автоматы. Для этого наблюдателям заранее выдали по пять телефонных жетонов.

После обеда жетоны кончились, и наблюдатели стали стекаться в штаб вместе с тревожными вестями:

— На моем участке в гинекологической поликлинике девки — все, конечно, проститутки валютные — как одна за Ельцина! — чуть не рыдал пожилой мужчина в потертом костюме.

— А у нас в больнице солдатики из Чечни без ног лежат и тоже за него... ужас! — вторила ему другая коммунистка.

— Зомбированные идиоты, а не народ, — констатировал замсек Смородов. Около 18 часов раздался телефонный звонок из горкома с инструкцией усилить бдительность на местах, так как в это время особенна велика опасность фальсификации. Но связь с коммунистами на урнах была односторонней, и предупредить их о надвигающейся опасности было невозможно. А по телевизору вместо похоронной симфонии шел фильм «Собачье сердце». «Кто включил эту гадость!» — крикнул Смородов.

Зюганов проигрывал. Активистка Нина орала на наблюдателей, зажавших бюллетени. Горком поставил задачу сдать все протоколы к 7 утра, но как раз к этому времени покинувшие избирательные участки наблюдатели хотели спать.

— Завтра?! — Орала в трубку Нина. — Это я от коммуниста слышу? Вот что: завтра можете ими подтереться.

— Ну что ж, опять будем оппозиционной партией, — грустно сказал один забредший на огонек активист, — хотели ведь сменить название партии, не успели...

Некоторое время штаб еще подавал признаки жизни. К открытию метро они совсем ослабли. Три дня названивая в райком, я слышал одно и то же. Секретарь исчез, указаний сверху не поступало.

P.S. За это время я успел подстричься, перевезти семью на новую квартиру и написать эту статью. Но через три дня они вернулись — и в «мой» райком, и в другие. И бодро провозгласили случившееся 16-го генеральной репетицией.

КПРФ
ПЕРВЫЙ ТАЙМ МЫ УЖЕ ОТЫГРАЛИ

ЛЕОНИД БРОНЕВОЙ:
свобода дороже дешевой колбасы

— За кого вы голосовали 16 июня?

— За Ельцина — он мне нравится. Потом, мне кажется, что он смелый и порядочный человек. Знаете, как говорят: скажи, кто твоя жена, и я скажу, кто ты. В «Совершенно секретно» недавно я видел его супругу, и она показалась мне очень умной, скромной, предельно искренней. Президент, наверное, должен быть счастлив, что у него такая жена — это отличный тыл.

Ельцин хорош тем, что учится на своих ошибках: ведь это очень трудная штука — руководить такой страной.

Зачем опять отнимать у людей право на достойную жизнь?

Я актер, я никакой не чиновник, не начальник. Но всегда я должен был зависеть от партийной организации театра. Они мне давали характеристику, они говорили, можно мне прибавить зарплату или нельзя, меня не впускали в комнату, где они заседали. Бесконечная цензура, идиотские придирки. Когда сам проходишь через все, то понимаешь, что без одного этого жизнь уже хороша. Я не хочу зависеть больше ни от кого. Поэтому я голосовал за Ельцина.

— Почему же некоторые хотят возвращения прошлого?

— Прошлое связано с молодостью. А молодость всегда вызывает у нас ностальгические воспоминания. Ты был молодой, и уже в этом было твое счастье. Но тот, кто с возрастом умнеет, тот знает и понимает, что время-то было нехорошее, ужасное время.

Мы сейчас, никогда раньше не имевшие свободы, ею отравились, как переизбытком кислорода. Потому что свобода требует прежде всего ответственности, это сейчас мало кто понимает.

Я убежден, что любая резкая смена власти чревата потрясениями, которых Россия просто не выдержит. Сейчас задача одна — хоть немножко, но постоянно повышать уровень жизни людей, всех: и шахтеров, и врачей, и рабочих.

— «Ленком» — один из самых активно гастролирующих московских театров. Бывая в разных городах России, замечаете ли вы какие-то изменения?

— В провинции, конечно, изменений меньше, чем в столице. Хотя именно там живут многие очень умные, очень интеллигентные люди. Только что «Ленком» вернулся из другого государства, из Латвии. Живут там люди очень хорошо, и, главное, свободно — они запретили у себя компартию.

— Люди вашего поколения не умеют заниматься коммерцией — жить им сейчас трудно.

— Мне жить тоже тяжело. Пенсия у меня триста тысяч рублей, и хорошо, что я работаю в театре, который все-таки может платить приличную зарплату. Коммерцией я действительно заниматься не умею, я привык всю жизнь получать то, что платят. Но все равно я уверен, что свобода дороже колбасы. Если бы я имел неограниченные деньги, машину, дачу, я бы и не давал вам интервью. Потому что тогда мне пришлось бы или хвастаться, или врать. Но я тем более не хочу рассуждать как пенсионер, который устал и озлобился.

До революции Россия была на верном пути. Потом, с приходом коммунистов, все это поломалось. Я не думаю, что большевики специально делали так, чтобы люди жили плохо, они просто верили во все эти «коммунистические идеалы». Но в любом случае я не понимаю: поэкспериментировав один раз, зачем же вновь, уже совершенно сознательно, отнимать у людей право на достойную жизнь и возвращаться к убогому прошлому?

Молю Бога, чтобы Россия не попала в лапы коммунистов!

БРИЖИТ БАРДО:
коммунизм для меня опаснее нацизма

— Вы очень популярны в России. Какое значение вы придаете любви русских?

— У меня, возможно, такой же славянский характер, как и у них. Я смеюсь, плачу, танцую и пою, потом меня охватывает ностальгия и слезы наворачиваются на глаза. Как и они, я люблю красоту, романтику, боль любви, лед и пламя. Я так же как они несдержанна, отважна и готова к бунту. Я родом из Лотарингии, и не исключено, что у меня были русские предки.

— Что происходило в последнее время в вашей творческой и личной жизни?

— Я постоянно борюсь против бессмысленных и жестоких страданий, которые люди причиняют животным. Тем более русские люди, которые сами много страдали, а тот кто страдал должен испытывать сострадание к тем, кто мучается еще больше! Это вопрос сердца и гуманизма! В противном случае это варварство! Человек может называться человеком, только если он помогает слабым.

— Что значит для вас демократия? Могли бы вы добиться такого же успеха в тоталитарном государстве?

— Мне жаль, что правительства часто действуют неэффективно и безвольно. Но я в ужасе от тоталитарных государств. Я не умею держать язык за зубами и громко говорю то, о чем другие даже подумать боятся. Думаю, что была бы такой при любом правительстве. В связи с этим я хочу сказать, что считаю непозволительным, что господин Ельцин оставил ядерный центр в Чернобыле в столь плачевном состоянии. Глава государства обязан защищать население своей страны и всего мира. Я отправила ему по этому поводу специальное письмо.

— Что по вашему мнению произойдет в России и во всем мире, если коммунисты выиграют на президентских выборах?

— Мне кажется, что коммунизм даже более опасен, чем нацизм. Я молю Бога, чтобы Россия никогда больше не попала в лапы коммунистов! Никогда!

АРМЕН ДЖИГАРХАНЯН:
не хочу возвращаться

— За кого вы голосовали 16 июня?

— За Ельцина. Потому что в нем я вижу единственную надежду на изменения в стране. Он человек мужественный, человек очень простой и, если хотите, искренний.

Я очень плохо разбираюсь в политике, правильнее даже будет сказать, что я в ней вообще не разбираюсь и, честно, не хочу. Но я тридцать лет вожу машину и знаю, как это неприятно, когда оказываешься в кресле рядом с другим водителем, и он за тебя решает, как и с какой скоростью ехать. Я не знаю, какую скорость выберут Зюганов и его команда, когда сядут за руль. Не говоря о том, что мне страшно надоели постоянные потрясения в стране.

За коммунистов голосуют заблудшие люди

Я давно знаю Ельцина и его команду и не жду от них никаких неприятных неожиданностей, какие могут произойти в случае перемены власти.

Для меня нынешние выборы — не выбор какого-то конкретного человека, я просто не хочу возвращаться к прежним временам. Да, в той системе было что-то хорошее. Я помню, например, как к нам в театр приезжали начальники, собирали нас, актеров, и мы им что-то рассказывали, на что-то жаловались. Потом начальник снимал телефонную трубку — и это было для кого-то как высший приговор. Вот это ощущение — высшего приговора — осталось во мне до сих пор. Иногда, правда, эта директивная простота решений любого вопроса была даже хороша. Но даже тогда я все равно ощущал, что меня используют как лопату, как грабли — что нужно, то и копают.

— Как вы представляете себе тех людей, которые готовы и во втором туре голосовать за коммунистическую систему правления страной?

— Я вам скажу одним словом, и это не мои слова, это слова из Библии: эти люди — заблудшие. Правда, в наше время, если мы действительно хотим построить демократическое общество, свободное общество, мы не имеем права разделяться на «дебилов» — людей, которые выбирают «то», и на «правильных» — тех, кто выбирает «это». Я много езжу по городам России, я вижу этих людей. Сейчас жить всем очень тяжело. И, наверное, те, кто собирается голосовать за коммунистов, имеют со своей точки зрения массу доводов «за», но мне кажется, что они именно заблудшие. Боюсь, что несмотря на все нынешние изменения в стране, многие люди моего поколения так и умрут с ощущением «начальника» в душе.

ЮРИЙ ШЕВЧУК:
в предвыборных баталиях не участвую, а голосовать буду за Ельцина

— ДДТ выступали в Самаре, когда туда с предвыборным туром приезжал Горбачев. Он пригласил вас на ужин, но вы отказались. Почему?

— Ужинаем мы сами по себе. Не хочу быть грубым, просто отвечу, что не участвую в предвыборных баталиях. Мы не ездим в предвыборные туры. Мы рекламируем другие идеалы: «да здравствует любовь!»

— В предвыборных кампаниях вы не участвуете, а голосовать ходили?

— Да, и снова пойдем голосовать, во втором туре это особенно важно. И вы, надеюсь, тоже.

— А за кого?

— Я про себя буду говорить, но не агитировать. Я голосую за Ельцина, потому что при нем гражданской войны не будет. При Зюганове может и случиться. К тому же я досыта наелся советской власти, как и весь народ. В России всегда было противоречие между грязью-законом и русской благодатью-идиллией. Этим замечательным сказочным зеленым полем, где пасутся кони, а все бабы и мужики лежат под одним одеялом и смотрят на звездное небо. Но в жизни все это не канает, к сожалению. И поэтому когда я слышу обещания: я приду, и все будет о`кей, — невольно вспоминаю, как когда-то подобное уже слышал. Социализм прекрасен на бумаге и в обещаниях, в жизни он получается чудовищным.

ЖЕРАР ДЕПАРДЬЕ:
коммунизм неперспективен

Все мы разные, и нас нельзя стричь под одну гребенку

— Что такое свобода в вашем понимании?

— Вспомните лозунги Французской революции: свобода, равенство, братство. Эти слова как музыка для меня. Они ласкают мой слух. Но что такое равенство? Я допускаю только равенство стартовых возможностей. Ведь мы все разные, и нас нельзя стричь под одну гребенку.

— Что вы думаете о нынешней политической ситуации в России и о возможном возвращении нашей страны к коммунизму?

— Я не занимаюсь политикой, но думаю, что осуществлять мечту человечества ценой всеобщей уравниловки, как это уже было в вашей стране, как минимум неперспективно. Вот я часто летаю на Кубу — там мой друг Фидель Кастро — там тепло и светит солнце. Я сам видел у некоторых людей там счастливые лица. Но они были только у тех, кто обслуживал меня как туриста. На Кубе так не живут. И вообще лучше, если коммунизм останется где-нибудь в одной стране, как в заповеднике. Хоть на той же Кубе. И больше нигде.

— Чем вы увлекаетесь?

— Я хороший винодел, и как знаток скажу, что хороших вин сейчас очень мало. Конечно, я не могу похвастаться тем, что по бокалу вина могу определить количество солнечных дней в году, когда был собран урожай, как это делают некоторые наши старожилы, но количество солнечных недель вычислить уже умею.

Мы, художники, не можем быть учителями. Мы, актеры, скорее переводчики боли и радости. Мы даем эмоциям форму, которая делает их доступными зрителям. Мы живем в царстве чувств, в стране, которую лучше всех описал Достоевский. Я его очень люблю. Вот поэтому я вновь приехал в вашу страну. Свободную страну Достоевского.

ГЕОРГИЙ ЖЖЕНОВ:
наши внуки будут свободными людьми

— Что вы думаете о нынешней политической ситуации в России?

— Трудные времена. Что будет с нами дальше, зависит от того, куда пойдет страна в целом. Чудес не бывает, однако верю, что мы выйдем из кризиса, все войдет в свои берега. Но я уже далеко не молод и сомневаюсь, что смогу увидеть эти перемены. Думаю не о себе и даже не о детях: у меня три дочери, старшей уже 50, и я очень хорошо знаю, что сознание и этого поколения не свободно, деформировано номенклатурной системой. Расчет на внуков: те будут по-настоящему свободными людьми.

Альтернативы Ельцину сейчас нет

У меня было не так. Моя творческая жизнь оказалась разбита на две неравные части. Еще в 1933 году я сыграл в «Ошибке героя». К тому периоду относится и «Комсомольск» Герасимова. Все прервалось в 38-м, когда я был осужден как «иностранный шпион» по 58-й статье. Второй раз сел в 48-м, реабилитирован в 55-м, в общей сложности пробыл в лагерях 17 лет.

После этого началась моя «вторая жизнь»: сыграл около ста ролей в кино, многие из которых стали популярны.

— За кого вы голосовали 16 июня?

— Идея общественной собственности потерпела крах на всех материках. Это ясно. Конечно, у России есть своя собственная дорога к цивилизованному укладу жизни. Я вовсе не сторонник того, чтобы обожествлять Америку. Она — не свет в конце тоннеля. Но если к власти вернутся коммунисты — это будет шаг назад в организации нормального, цивилизованного общества. Зюганов — хочет он или нет — должен будет идти навстречу ортодоксам своей партии. И снова наступит коммунистический каменный век.

Альтернативы Ельцину сейчас нет, и голосовать против него или не участвовать в выборах — значит отдать голос в пользу Зюганова. Я уверен, что надо голосовать за демократический путь развития страны — какой бы он ни был, со всеми допущенными глупостями и ошибками, все-таки мы движемся вперед. Пора теперь подумать о народе и продолжить реформы — для этого Ельцину нужен второй президентский срок. Четырех лет правления хватит в Люксембурге, а Россию так быстро не раскачаешь. Да и вопрос сейчас не в Ельцине и Зюганове, а в стоящих за ними командах. Все это люди одного поколения как с той, так и с другой стороны. Но одни показали себя демократами, а другие защищают шкурные интересы отставленной номенклатуры.

НИКИТА МИХАЛКОВ:
Россию нельзя бросать на орла-решку

— Как вы относитесь к новой угрозе коммунизма?

— Будет очень жалко потраченного времени, еще одного круга, по которому мы запустим нашу страну для того, чтобы вновь — может быть, окончательно — понять, что большевизм ничего не может принести ни миру, ни народу. Большевизм построен на учении, которое рождено не в России. Уже это говорит о том, что оно никак не может быть связано с истинно корневой системой страны, корневой системой народа. И ужас в том, что большевики так подло использовали народ, что мы сами даже не заметили, как своими руками разрушили свои святыни, разрушили храмы, уничтожили священников, культуру, память. Горько и печально будет, если уроки истории не пошли нам впрок.

— Но у людей не хватает терпения...

— Просто сказать: этот нам не дал, а вот эти обещают. Ну а где они возьмут? Напечатать десять триллионов рублей, всем раздать бумагу, выплатить зарплаты хоть на год вперед, а толку — через два месяца пустые прилавки и талоны на работе.

Всегда лучше слышно того, кто недоволен. Довольный ведь делает то, что он делает, и довольствуется тем, что он получает за это. А подмена происходит, когда единство недовольных объявляют единством патриотов. Это не так. Любое объединение людей в России вокруг недовольства приводит сначала к бунту, а потом к репрессиям. Всегда. Ибо недовольные, объединенные своим недовольством, сначала уничтожают то, чем они недовольны, а потом начинает выясняться, что не любили они одно и то же, а любят разные вещи.

Единство недовольных коммунисты объявляют единством патриотов

Тамерлан сказал, что храбрость — это терпение в опасной ситуации. Еще теплится во мне надежда, что мы все-таки народ храбрый.

— За кого вы голосовали?

— Я голосовал за Ельцина. Я не считаю Ельцина идеальной фигурой. Но он мужественный человек. Он не рвал партбилета перед телекамерой, когда это было уже разрешено. А до того он шел один против всей партийной системы, хотя мог бы совершенно спокойно, уже будучи там, наверху, двадцать лет прожить на одной и той же даче, с тем же лимузином, охраной и кремлевской больницей. Он бы только голосовал, выступал на пленумах, проводил политику партии и правительства, интриговал бы, потом мог бы стать генеральным секретарем. Он же не лез к власти, он ее уже тогда имел. Чтобы отказаться от того, что имеешь, нужно иметь мужество и очень серьезные внутренние силы. Это первое.

Во-вторых, за ним нет партии. Это очень важно. Потому что любой, кто придет вместо него, приведет с собой партию, любую, как бы она ни называлась, то есть свою партократию. И сначала будут накормлены ненасытные партократы, а уж потом будут думать о народе.

А кроме того, снять сегодня ответственность с Ельцина — это значит дать ему возможность сказать: «Извините, четыре года, из которых два с половиной ушли на выяснения отношений, — не срок». Я избирал Ельцина четыре года назад, и я не хочу лишать его ответственности. Наоборот, хотел бы помочь ему, учитывая еще то, что он умеет свои ошибки признавать.

— Будете ли вы снова голосовать 3 июля?

— Десять лет назад мне было наплевать, кто придет в Верховный совет. Я брал открепительный талон, в гробу я видел все эти выборы, и уезжал на дачу в футбол играть, и знал точно, что 99,8% проголосуют за избранников народа. Но на этот раз я понимаю: Россия такая страна, что нельзя ее бросать на орла-решку, кто подберет.

И последнее, а для меня, в общем, основополагающее. Хочет Ельцин того или не хочет, с его именем сегодня связано действительное воцарение свободы совести в России, и только с Ельциным сегодня может связывать свое будущее, свой расцвет не только православная церковь, но и все остальные конфессии, которые сосуществуют у нас. И это был шаг, который меня лично сразу повернул в его сторону, ибо русский человек без веры — не человек. Достоевский сказал еще жестче: животное. А я не хочу быть животным, я не хочу жить в мире животных.

С КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПРИВЕТОМ

«МЫ НЕ СТЕСНЯЕМСЯ В ВЫРАЖЕНИЯХ...»

Чем ближе было 16 июня, тем больше приходило таких писем. За неделю до первого тура их было особенно много — десятки. Но едва стали известны результаты голосования...

Как отрезало. Исполненные ненависти письма практически исчезли из почты. Прекратились и телефонные звонки — те, после которых юные редакционные секретарши не сразу приходили в себя.

Исчезли? Прекратились? Тогда зачем вы опять публикуете эту жуть? — резонно спросит нас читатель.

Но ведь авторы, в отличие от писем, никуда не делись. «Вы говорите, что мы не стесняемся в выражениях,— правильно, а что стесняться...» — еще недавно писал нам аноним из Воронежа. Думаете, теперь он стесняется своего письма?

Да, они не вышли на улицы 17-го числа праздновать свою победу. Поскольку ваши голоса лишили их этой возможности. Они просто затихли, почувствовав, что их момент еще не настал.

Не настал 16-го. Но может настать 3-го. Зачем мы публикуем эти письма в последнем, предвыборном номере? Не будем скрывать — затем, чтобы вы помнили, как важен ваш голос...

По всей видимости, авторы этих писем именно так представляют себе ближайшие перспективы победы коммунистов на выборах.

Фото из альбома «100 лет России». Автор неизвестен. Снимок сделан в одном из крупных российских городов в начале сороковых годов...

Жаль, что вам коммунисты до сих пор яйца не вырвали. Я бы вырвал. Вы, бесы рогатые, еще попомните нас. Лично я и все мои родные будем голосовать за Зюганова. Дай бог, чтобы он переломал вам всем хребты. А таких, как Солженицын, я бы на пушечный выстрел не пускал. Уехал, вот и хер с ним. Удушил бы своими руками, не потому что я кровожадный. Просто накопилось. Хочу вас, сук и бесов, повесить на суку.

Это я вам на память, чтобы вы не думали, что ваш Ельцин всем нравится. Вы говорите, что мы не стесняемся в выражениях, — правильно, а что стесняться, вы же пидорасы!

Без подписи, г. Воронеж

Нельзя пенять на Гитлера, что начисто обманул немецкий народ со своей предвыборной программой! Он кое-что выполнил из нее и весьма существенно поднял Германию с колен. Прежде всего, Германию стали уважать, стали с ней считаться, стали ее бояться. Оживил экономическую жизнь, ликвидировал безработицу, поднял значимый жизненный уровень немецкого народа. Народ поверил в своего нового лидера и пошел за ним на покорение мира ради лучшего будущего. И дело пошло успешно: перед Гитлером и Германией сложили головы пол-Европы. В том числе развалилась, не успев и пикнуть, «великая» демократическая Франция. И у Великобритании мандраж прошелся по подколенникам, И «дядя Сэм» за океаном забеспокоился...

Так что нечего кликушествовать и предвещать заранее крах!

Без подписи, г. Пермь

Привет!

Прочитал случайно вашу бесплатную чернуху и ох...л. Яйца бы вам вырвать, жиды вы х...вы! Ну, я понимаю, что за бабки (особенно зеленые) вы готовы обос...ть не то что Россию, но и собственную мать не пожалеете. Смотрите, суки, придет час, и никто вам не поможет!

Смерть жидам. Белая раса — превыше всего!

Славянин до мозга костей,
г. Ростов-на-Дону

Подбирая письма для публикации, мы, естественно, старались избегать цитат, содержащих нецензурные выражения. Тем не менее это оказалось возможным не всегда. В некоторых случаях мы были вынуждены сохранить подобные выражения, поскольку их изъятие или редактура значительно изменяли смысл письма.

Подонки — издатели газеты «Не дай бог!»

Правильно люди пишут, что вы мразь! И кого в свидетели взяли? Табаков — отпрыск фашиста, литовец. Лицо Зюганова ему не нравится, а его рожа — задница, имея которую он играет без грима Людовиков — глупых королей. В его роже есть врожденный дурак. Позор тебе, «Людовик»!

Или Марина Влади — тоже русско-французская. Уж о Банионисе и говорить нечего, он нам и на х... не нужен. Вы собрали всю чесотку, шелуху, всех порочных, гадких людей. Вам, твари ползучие, до коммунистов далеко. А нравится гнилой капитализм, звездуй, Табаков, туда и там догнивай, паршивец! Жулье, чтоб вам вечное проклятие, и это будет обязательно!

Л. П. Уфимцева, г. Таганрог

Эй, вы!

Я вашей газетой даже подтираться брезгую. Продались этому врагу народа, Ельцину! Наступит время, вы захлебнетесь кровью, шкуры, вас не матери рожали, а свиньи в помойной яме. Все люди Ельцину плюют в рожу в телевизор. Молюсь, чтобы разорвало вас на мелкие кусочки, всех врагов народа.

А. Ф. Кудрявцева, г. Новокузнецк

Вы, гадские подонки!!!

От имени шестисоттысячного Иркутска шлю вам проклятия за ту заразу, которую вы распространяете для читателей. Вы думаете, что вашу гнилую, мерзкую клевету кто-то читает? Нет. Ее используют как харкотину хронических тубиков и сперму сифилитиков, к числу которых вы принадлежите.

Вы, болотные квакши, не достойны даже волоска из заднего прохода Г. Зюганова и так безалаберно на него клевещете.

Да, Геннадий Зюганов заранее вам всем подготовил то тухлое болото близ Челябинска, в котором захоронены радиоактивные отходы, и всех вас, подонков, живьем сбросит, чтобы вы задыхались, подыхали медленной, нечеловеческой смертью.

Я, рядовой гражданин России, прошел Отечественную войну, не раз приходилось читать фашистские листовки, но ни в одной из них я не прочитал столь клеветнические измышления на наше правительство, партию, как вы клевещете на Зюганова, еще не пришедшего к власти.

Пока не поздно, одумайтесь, иначе Зюганов не тупым серпом яйца вам отрежет, как изображаете вы, а придумает индийскую казнь. А эта казнь состоит вот в чем: в джунглях будет расщеплено дерево, и в расщелину каждый из вас яйцами будет заколочен, вбит клин, и пока гнус не изгложет вас до костей, все вы подохнете мучительной смертью.

Вот и все у меня, поместите это письмо в своей газете.

Петрушевский, г. Иркутск

Надо заметить, что поразительно подробное, почти техническое описание процедур пыток в письмах подобного типа встречается относительно часто. Мы выбрали для печати это письмо, поскольку в ряде других случаев упомянутые описания носят характер, полностью исключающий, с нашей точки зрения, возможность их публикации.

Твари поганые, сволочи вонючие!

На таких сволочей, как вы и все, кто за Ельцина, нам бы надо два Сталина поставить и еще бы Пиночета вызвать. Поганые твари, погань, сволочи, вместе с Ельциным вас, как гнид, надо уничтожать!.. Очень бы хотелось, чтобы мое письмо напечатали.

Без подписи, г. Воркута

Вы гады, сволочи, животные, обс...те Зюганова, потому что боитесь его. Потому что когда он придет к власти после выборов, наступит порядок! Вы, хапуги, хапаете, хапаете да никак не нахапаете. Вы боитесь коммунистов, боитесь, что народ выступит против вас, сволочей. Дождетесь, дохапаетесь, СУКИ!

Напечатайте обязательно это письмо, а если не напечатаете, скажу всем, что вы боитесь коммунистов.

Без подписи, г. Саратов

Прочла вашу газету «Не дай Бог!» — как вы можете сравнивать Геннадия Зюганова с Гитлером... Гитлер правильно действовал, что евреев уничтожал. Они сионисты, хотят, чтобы русский народ на них работал.

Сидорова, г. Владивосток

Вы сс...те против ветра!

Мой вам совет: оботритесь и бегите покупать билеты на самолет, ибо потом поздно будет; а мы рискуем задохнуться от вонизма, издаваемого вашими раздавленными трупами. Нас много, много больше, чем вы предполагаете...

С коммунистическим приветом (хотя никогда не состояла в партии)!

Милославская С. М., г. Уфа

Ельцина нужно на Красной площади резать по кусочку и не разрешать орать, и пусть бы как собака бездомная издыхал. Вы, подонки, перевертыши, как вам не стыдно, вас в люди вывела советская власть, а сейчас вы, сволочи, что говорите?! Да, жаль, что Гитлер вас, евреев, всех не перевешал в войну...

Без подписи, г. Воронеж

Какая б...дь вас произвела на белый свет?! Ельцин, готовься, сука недоделанная, к смерти, скоро тебя и твоих прихлебышей поставим к стенке. Я сам бы с большим удовольствием вырвал бы из твоей поганой пасти твой двужалый язык раскаленными щипцами.

Гад ты вонючий!

Без подписи, Красноярский край

Вы сравниваете Зюганова с Гитлером? Дай Бог, чтобы это было так, тогда Россия действительно спасена. Дай Бог, чтобы у Зюганова были способности Гитлера. Ведь он, Гитлер, был гениальным человеком, даже сверхчеловеком. Он действительно вывел Германию из тупика и сдвинул страну на войну. Это мог сделать только сверхчеловек. Он был сильная личность и добился великих побед. Дай Бог, чтобы Зюганов стал президентом России.

С комсомольским приветом к бездарным писакам!

Александр Сергеевич Пушкин,
г. Иркутск

Александр Сергеевич Пушкин — очевидно, псевдоним, избранный автором письма. Что заставило его использовать для этой цели именно имя великого русского поэта, сказать трудно.

Господа вонючие!

Смердит от вас как от покойников, Да, в сущности, вы уже давно мертвецы! Лавочники затрапезные! Как это вы фамилии свои назвали? Поразительно!

Ворье ельциновского пошиба! Как из вас вонью-то поперло! Поджаривают вас перевыборы-то! Придет на вас управа, придет! Ответите за все, покойники смердящие!

А. Туманов, г. Кемерово

Придут к власти коммунисты. Мы за них. А вас, иуд, ждут столбы и веревки.

Геннадий Андреевич, дай Бог вам доброго здоровья! Молебен отслужили. А вам, иуды, всем свечку за упокой поставили. Смерть вам!

Молодежь, г. Волгоград

Я презираю вашу позорную газету! Мне хочется блевать на нее и вытирать об нее ноги. Кипеть вам в аду, европейские подонки!!! Готовьтесь к смерти. КПРФ победит!

Без подписи, г. Новосибирск

Вы мразь, грязные твари! Всю Россию распродали. Мне 32 года, двое детей, не знаю, что с ними делать, хоть закапывай живыми в землю, т. к. убить рука не поднимается. Будьте вы все прокляты! Зюганов придет, и вас народ накажет, за все ответите.

Без подписи, г. Воронеж

Жиды, паскуды!

Перестаньте, суки, кидать свою ср...ую газету в ящики. Ни хера у вас не выйдет! Будем голосовать за Зюганова, а вас, жидов, будем громить и погромы устраивать.

Васильев А. И., г. Брянск

Привет, козлы!

Таких, как вы, убить? Этого мало! Ельцин ваш чтоб подавился и издох, как пес поганый! Тварь жирная, сучара и сучья морда! Ненавижу вас, собаки!

Вы что, одурели? Вас, гадюки, давить и давить надо!

С коммунистическим приветом.

Без подписи, г. Тверь

...Я молю бога, чтобы пришли скорее те времена, когда вас будут уничтожать. И безразлично, кто это будет делать, коммунисты или националисты, я приветствую всех, кто несет вам смерть, жиды и демократы!

Крестьяне, колхозники,
Ивановская область

Эй вы, заразы поганые!

Как бы вы ни конспирировались под разными ящиками и псевдофамилиями, это вас не спасет от расплаты вместе со своими спонсорами и покровителями. Вам надо отрубить руки и вырвать языки. Вы сами себе подписали смертный приговор, который может настигнуть в любой момент. Мы вас все равно найдем и рассчитаемся сполна. Так что ждите!

С приветом, член Союза патриотов России. Студент.

Данное письмо прошу опубликовать, если не боитесь.

Автор письма не счел возможным подписаться. А в качестве своего места жительства указал г. Ленинград. Это, однако, очевидно не соответствует действительности, поскольку на почтовом штемпеле на конверте письма значится г. Череповец.

Яковлев — враг народа, Милославский — милый голубой, Голованов — головка от члена, Свинаренко — грязная свинья, Подлесников — подлец, Васильев — клоун Вася, Мостовщиков — гнилой мост, Колесников — спущенное колесо!

Вы все оборотни, предатели. Когда Зюганов станет президентом, он положит ваши яйца на весы, и будут во все стороны усы.

Без подписи, г. Нижний Новгород

Чтоб вы все погорели! Подонки! Пусть вас, гадов, всех расстреляют. Будьте вы прокляты! Никто вам не пишет, это вы сами, подлецы, все придумали. Пусть вас, подлецов, почаще убивают. Чтоб вы, сволочи, провалились, гады грязные.

Без подписи, г. Магадан

То, что вы пишете, все вранье, убить вас надо. Коммунисты нормальные люди, а вы чмо. Скоро вас, б...дей, поставят буквой «ЗЮ»!

Без подписи, Приморский край

Гниды!

На вашу газету даже с...ть не садятся! Мы назло вам проголосуем за Зюганова. А вы, вши тифозные, будете расползаться и подохнете, когда вас бензином обольют и жечь будут!

Народ, г. Пермь

Откуда взялись вы, выродки? Кто же вас рожал? И где рожали? На асфальте или где-нибудь на подмостках. Боитесь, что ваши кресла иудейские затрещали! Вас бы, сволочей, загнать в Чечню, в плен к дудаевцам, чтобы из вас всю желчь каленым железом выжгли. Знайте, гаденыши, как бы вы ни тужились, три века не проживете. Многие говорят — Ельцина и Горбачева убить, повесить, распять. А надо их поставить на Красной площади, и пойдет к ним народ, чтобы плюнуть в их морды и ударить рукой по рожам этих дармоедов, а вы понаблюдайте, что останется от них, я думаю, куча плевков — вот народное наказание! Будьте прокляты, прости Господи!

Семенова, г. Вышний Волочек

Ну что, вонючие козлы, дрожите? Вот так вам и надо! Придет на вас гроза — наш долгожданный товарищ Зюганов и покажет вам кузькину мать, а мы еще ему с удовольствием поможем. Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!

Без подписи, г. Уссурийск

Дармоеды!

Мозги ваши проспиртованные, какое вы имели право чернить Зюганова? Вас всех нужно вешать и стрелять без суда и следствия. Запомните, люди будут уничтожать ваших детей, откормленных выродков. И вы получите по заслугам! Вы ведь и жить-то боитесь, как бы вам из-за угла пуля мозги не пробила. Запомните, так мыслят миллионы людей, мы устали от вас. При Сталине мы гуляли и танцевали, а сейчас!! Почему не пишете о пьяных родителях, которым не нужны уже дети, которые выброшены на улицу и растут дикими зверенышами, гнойные ваши мозги? Расстреливать вас и вешать, как это делал И. В. Сталин. Мы во время Сталина веселились и улыбались! Жаль, что у нас нет автоматов, мы бы как один начали вас уничтожать, нет вам прощения!

Без подписи, г. Уфа

Демофашистские сволочи!

После 16 июня не один из вас, подонков, не уйдет от жестокой расправы! Одни лет 10 отдохнут на Колыме, а другим оторвут, что положено, в дверном косяке, а потом выбросят с пятого этажа и добьют ногами на мостовой. Остальных из вас, недорезанных собак, отправят на урановые рудники, добывать уран для АТС, чтобы была энергия для восстановления разрушенного демократией народного хозяйства. Смерть капитализму.

И. Ш., г. Москва

Два с лишним месяца мы делали для вас газету «Не дай Бог!». Старались убедить, что коммунизм до добра Россию не доведет. Много при этом курили и мало спали. И вот вы держите в руках последний перед выборами номер газеты. И читаете его самую последнюю страницу.
Все слова сказаны. У нас больше нет аргументов. И мы можем только оставить вас в покое, чтобы вы, хорошенько подумав, дождались выборов и проголосовали за того, за кого считаете нужным.
Волнуемся ли мы? Конечно. Ведь голосуя, вы будете определять и нашу личную судьбу. То, как сложится в ближайшие годы жизнь каждого из членов редколлегии газеты, зависит от вашего выбора.
Вы нам часто писали, что, мол, откройтесь, расскажите, а вы какие? Мы решили это сделать здесь, на последней странице последнего номера. Вот они мы какие. Вся редакционная коллегия. Читайте. Каждый из нас написал вам то, что хотел. На прощанье? Или нет?

Я не люблю красных.

Я не люблю также перловую кашу. Последний раз я публично выступил против каши в детском саду, где подбивал товарищей по счастливому детству на массовую голодовку протеста. С тех пор я ее просто не ем.

С красными я боролся последний раз пять лет назад в «Общей газете» — единственном издании, выходившем при путчистах. А поскольку бороться я тоже не люблю, мне было очень хорошо все эти годы оттого, что проблему коммунизма в России стало можно решать так же, как проблему с кашей. Не нравится — не ешь.

Даже когда красные победили на думских выборах и выяснилось, что у них за пять лет созрела новая левая партия, мне все еще казалось, что это их право и не мое дело.

Когда стало ясно, что социал-демократ Зюганов, похоже, может стать президентом России, мы с будущими коллегами по газете «Не дай Бог!» на полном серьезе обсуждали перспективы жизни при левом правительстве.

Перспективы обнаружились странные: от имени партии нового типа руководить нами станут участники недавнего государственного переворота Варенников и Стародубцев, расстрелявший Вильнюс Ачалов, штурмовавший Останкино Макашов и Рыжков, кормивший страну чернобыльским мясом.

Тогда, я помню, нашелся еще один, последний аргумент — реформатор Ельцин в свое время был секретарем обкома и сносил в Свердловске ипатьевский дом, где его старшие товарищи истребили царскую семью, а большевик Рыжков, с другой стороны, успел побывать цивилизованным банкиром. У них должна быть новая идея. Не могут же они идти на выборы под людоедскими знаменами Ленина—Сталина. Или могут? Не дай Бог...

Я стал редактором газеты для тех, кто считает коммунизм кашей, которую можно не есть. Мы делали эту газету о том, что поняли, спохватившись, два с лишним месяца назад: они заставят нас есть свою кашу. Они не могут по-другому. Они не новые. Они — те же самые. Они, ни на секунду не задумываясь, будут отнимать и делить, сажать и расстреливать. Им ничего не нужно, кроме власти любой ценой.

Их незапятнанный лидер обещает всем выигрыш, **точно зная**, что для начала всех разорит. Он обыкновенный вокзальный наперсточник. Но если бы у него получилось, он стал бы уникальный наперсточник, наперсточник-рекордсмен. Он сделал бы, по их терминологии, лохами всех — и тех, кто с ним играл, и тех, кто отказался.

По-моему, вы, мои читатели, это поняли. А я понял, что к красным в России нельзя относиться как к проблеме личного выбора. Эта зараза требует эпидемиологического подхода.

А кормить детей перловой кашей я бы тоже запретил. Это не гуманно.

Леонид Милославский,
главный редактор

---

16 июня я потерял девственность. Политическую.

38 лет живу на свете и ни разу не голосовал. Ни за нерушимый блок коммунистов и беспартийных, ни за перестроечный Верхсовет, ни за «да-да-нет-да», ни за Думу, ни за Ельцина, ни 17 декабря. А тут как миленький пошел и проголосовал. Причем, как ни смешно, благодаря двухмесячной работе (по совместительству) в дружном антикоммунистическом коллективе газеты «Не дай Бог!»

А смешно мне это и странно вот почему. Журналистом я стал работать аж в 1976 году, и никогда эта работа не влияла на мои политические... не то что поступки, а даже взгляды. Ни когда я задорно описывал в «Московском комсомольце» дебильские полуфиналы «Зарниц» и «Орленков». Ни когда в отделе коммунистического воспитания «Собеседника» интервьюировал на краю могилы полудохлых наставников молодежи. Ни даже когда в «Московских новостях» прирабатывал «рупором перестройки».

Тогда мы, молодые журналисты, любили за пивком порассуждать, что работа наша, если вдуматься, никому вреда не приносит. Потому что прочитав нашу бредятину, ни один нормальный человек в нее не поверит, а наоборот, будет еще увлеченней хаять комуняк с их (то есть нашей) гнилой пропагандой. А если изредка удастся что-нибудь честное опубликовать, то и хорошо. И гонорар опять же...

Позже мы, уже не такие молодые журналисты, эти пошлые разговоры оставили. Зарабатывали себе свои бабки, не очень-то к их запаху принюхиваясь. А года четыре назад я вообще из журналистики ушел навсегда: грязное это дело и, кстати, малооплачиваемое.

И вот, оказалось, не навсегда. Спасибо Геннадию Андреевичу Зюганову. Первому из коммунистов, заставившему меня писать в соответствии с моими политическими убеждениями. И совершать поступки, соответствующие тому, что сам написал.

А еще спасибо читателям, оценившим мой незаметный журналистский подвиг. Причем именно тем, к которым наша газета не обращалась. Верным зюгановцам, назвавшим мое скромное творчество «жидовьей вонью». Обещавшим, что сталинский ГУЛАГ покажется мне пионерским лагерем. Объяснившим, к чему следует прибивать мои жидовские уши, на что натягивать мою дерьмократскую кожу и чем отрезать мои, извините, яйца. Большое спасибо.

За что спасибо? За правдивую и объективную информацию о них. Теперь я точно знаю, что в моей стране каждый нормальный человек должен время от времени заниматься политикой. Причем в самом элементарном и действенном ее проявлении — пойти и проголосовать. Чтобы оставить их, хорьков, в меньшинстве.

А девственность мы, выпустив их из зоопарка на волю, все равно уже потеряли. Черт с ней.

Андрей Васильев,
член Союза журналистов СССР

Меня зовут Никита Голованов. Я, как это принято у «цивилизованных» террористов, хочу взять на себя ответственность за серию фотоколлажей, опубликованных в этой газете.

Трудное это дело — работа над образом вождя. Особенно первый раз в жизни. Раньше как-то в голову не приходило. Да и кто бы мне доверил? Представляете: прихожу я на Старую площадь и предлагаю серию фотошаржей на Генерального Секретаря ЦК КПСС. Так и вижу худсовет на Лубянке: «Рановато Вам еще браться за образ верного ленинца. Попробуйте сначала создать галерею тружеников лесоповала...»

Хотя однажды к телу допустили. Надо было одному генсеку на фотографии двадцатилетней давности грудь увеличить — очередная звезда не умещалась. Нельзя же в самом деле беспокоить вождя фотосъемкой по поводу каждой новой цацки.

Короче, увеличил... Еще бы, я тогда работал в издательстве ЦК КПСС. Была у меня зарплата побольше, чем в «непартийных» конторах, и столовая замечательная, с колбасой, разумеется (правда не за два двадцать, а дешевле, но зато из мяса), и поликлиника такая, что хлебом не корми — дай в реанимации полежать. И была еще у меня, как и у многих, «мечта о светлом будущем».

И вдруг пришли демократы и отобрали «мечту». Вернее, предложили вместо «мечты» возможность делать то, что нравится. Еще демократы положили в магазины кисти и краски и все, что нужно для профессионального художественного творчества (не поверите, но при коммунистах и это было по «талонам», то есть по спискам Союза художников).

— А уж «светлое будущее», — сказали демократы, — сам себе строй.

Строительство светлого будущего я тогда начал с того, что вместе с коллегами обзавелся всем вышеперечисленным и принялся в художественной форме критиковать новую власть. Не мне судить, насколько я в этом преуспел. Но делал я наконец то, во что верил, и это мне нравилось. И все было бы хорошо, но не давала мне покоя та грудь, которую я когда-то незаметно для Вас увеличивал на одну звезду в год. Как будто это я продлевал эпоху абсурда и издевательства над здравым смыслом. Виноват! Кишка была тонка, чтобы нарисовать на той груди вместо звезд то, что она действительно заслуживала. Уж очень не хотелось на лесоповал.

Я и сейчас туда не хочу. Но уже привык — к хорошему быстро привыкаешь — делать только то, во что я верю, что мне нравится. И не дай Бог, чтобы опять худсоветы были на Лубянке.

Я вообще-то довольно давно и искренне убежден, что в нормальной стране честный человек должен иметь смутное представление о том, кто именно является руководителем его Родины. Такого честного человека больше должен волновать не текст указа президента, а слова, вырезанные его потомством на стене в лифте.

Его должно возмущать не постановление правительства, а решение тещи обязательно подарить своей ненаглядной дочке зеленые занавески в крупный синий цветочек. И, наконец, лично я, как честный человек, глубоко страдаю за Отечество оттого, что 3 июля 1996 года все вынуждены будут, как оголтелые, выбирать между коммунизмом и демократией, а не как положено гражданам со здоровой жизненной позицией, между воблой и соленой сушкой.

Но коммунисты, будь они неладны, не дают спокойно прижать к груди свою законную воблу. Почему-то они считают, что в моей жизни они гораздо важнее закуски. Сначала, еще в детстве, они заставляли меня смотреть на их мертвого дедушку Ленина в стеклянной коробке и привязывали мне на шею красный галстук. Потом они дали мне дудку и барабан и сказали петь неправду про то, что я — дети рабочих. Потом они везде понавешали своих портретов и велели мне их как следует выучить. Я еще, может быть, толком не выучил, кто такой Рабинт... Робенд... Рабиндранат Тагор, а кто такие товарищи Устинов, Черненко, Демичев и Капитонов я уже знал.

После этого они сказали мне тыкать пальчик в книжку «Малая земля», «Целина» и «Возрождение». Но пальчик еще не успел устать, когда все они стали спешно умирать и уносить с собой в могилу сгущенное молоко, колбасу, пастилу и зефир в шоколаде. Я очень тогда грустил. Особенно по пастиле. А по товарищам Демичеву и Капитонову я не грустил.

Совсем недавно мне показалось, что я их всех окончательно забыл. Тем более, что еда и нормальные человеческие отношения наконец-то вернулись с того света. Мой старший сын Егор ничего не знает о последних постановлениях партии и правительства.

— Мой старший сын Егор от первого брака, — говорю ему я. — Коротко расскажи мне о последних постановлениях партии и правительства.

— Партия и правительство постановили купить мне шоколадное яйцо с сюрпризом. А лучше три, — так отвечает мне политически запущенный отпрыск.

Но рано я радовался, поскольку в моей жизни появился Геннадий Зюганов. И я теперь опасаюсь выпивать с друзьями. Потому что бытовой алкоголизм на моей Родине превратился в политинформацию. Телевизор я распорядился удалить из супружеской спальни. Потому что в трепетно любимые мною моменты обмена генетической информацией с женой от первого брака ко мне приходит Геннадий Андреевич со своими постановлениями, которых я не вызывал. Геннадий Андреевич скоро станет мне тещей. Потому что теща возникает в моей жизни со своими постановлениями тоже, как правило, внезапно.

А мне, граждане, второй тещи не надобно. Мне и одной-то, скажу вам по секрету, хватает. Чего и вам, кстати, желаю.

Искренне ваш, Сергей Мостовщиков.

Через пару лет после революции мой дедушка арестовал моего прадедушку. Дедушка тогда был начальником одесской ЧК, а прадедушка что-то продавал. Характер прадедушки сформировался в дореволюционный период, поэтому он, видимо, считал возможным таким способом зарабатывать себе на жизнь.

И хотя семейные хроники умалчивают о деталях этого события, я думаю, что дедушке-чекисту сажать в тюрьму собственного отца было все-таки нелегко. Но дедушка твердо знал, что способ, которым прадедушка пытается заработать, называется спекуляцией, а спекуляция вредна и за нее следует карать.

Уж не знаю, было ли тогда у дедушки с прадедушкой время поговорить, разобраться, кто же все-таки прав. Или дедушка отправил прадедушку в камеру сразу, без дискуссий. И извечный спор поколений остался, таким образом, незавершенным.

С тех пор прошло больше семидесяти лет. И вот я, внук чекиста и правнук спекулянта, занимаюсь тем, что частным порядком делаю и продаю газеты, а не бегаю по городу в кожанке с револьвером, пытаясь переиначить жизнь сограждан так, как мне кажется правильным.

То есть дедушку с прадедушкой рассудило время. И, по-моему, я — сильный аргумент.

Может ли быть так, что мой малолетний сын лет через восемнадцать подрастет, придет к выводу, что я живу неправильно, наденет что-нибудь необычное и, скажем, с бластером в руках придет сажать меня за это в тюрьму?

Нет. Этого быть никак не может. У моего дедушки-чекиста и его единомышленников было очень много времени, чтобы попробовать любым способом на деле доказать свою правоту. Но ведь тем не менее все закончилось мной. Значит, я — не случайный, а закономерный результат.

Мой дед был убежденным коммунистом. Мой отец в том же возрасте считал, что коммунистическая идея верна, только воплощали ее неправильно. Когда же тридцать исполнилось мне, было уже совершенно ясно, что дело вовсе не в воплощении, сама идея ошибочна.

Так что история действительно не повторяется. И я решил на время отложить свои обычные дела и поработать в газете «Не дай Бог!» вовсе не потому, что всерьез опасаюсь повторения истории. А потому, что тем не менее может случиться так, что 3 июля люди по ошибке или по недомыслию могут попробовать историю повторить. Конечно, из этого ничего не получится. Но попытка может многим очень дорого обойтись...

Мой дед до конца дней своих проходил с пистолетом. В заднем кармане брюк он всегда, неизменно носил с собой на всякий случай небольшой удобный браунинг. Когда-то в нашей семье об этом рассказывали с затаенной гордостью.

А сейчас я думаю: правильно ли было этим гордиться?

Владимир Яковлев

Дорогой читатель! Я больше не буду тебя одолевать беседами о политике. Я расстаюсь с этим занятием без грусти. Ибо это была тяжкая ноша — объяснять тебе про коммунизм. Коммунизм! Одно это слово уже меня огорчает, оно мне кажется зловещим, безрадостным, казенным. Но никак нельзя было избежать этого сурового и неприятного с тобой, читатель, разговора. Он давно уже должен был бы состояться, да все как-то не получалось. Сначала, при коммунистической власти, было нельзя и запрещено. Я со странным чувством вспоминаю переодетых в штатское подполковников КГБ, которые забирали у меня правдивые книжки про это самое.

Потом как-то сразу, осенью 1991-го, стало и не надо: чего говорить, вроде наши победили, а тем и так должно быть стыдно... Но получилось, что за странную казенную идею коммунистического обустройства так много людей голосует! Это очень печально. Хотя, может, я зря это все тебе говорю, и ты, в отличие от меня, совершенно не интересуешься свободой, будущим, возможностью для твоих детей жить как захотят они сами... И ты, может, хочешь мне приказывать, как жить, и заставлять меня делать то, чего я не хочу? Если так, то зря ты это. Ведь я — за то, чтобы ты жил согласно своим убеждениям. Хочешь, так даже ходи по выходным с красным знаменем в руках. Читай трех китов и трех основоположников, а больше никого. Объединяй кого хочешь с собой в коллективное хозяйство (но только добровольно!). Дели все, что ты заработал, поровну со своими единомышленниками. Выключай свой личный телевизор, когда показывают идейно чуждые передачи и голых женщин. Презирай заграницу и никогда ее не посещай, отвергай все попытки тебя туда затащить на веревке. Пользуйся товарами исключительно отечественного производства. Не бери в руки грязных американских денег. Пой революционные песни у себя дома (не позже 23.00). Откажись от какой бы то ни было собственности и не имей ее никогда. Не нанимайся к эксплуататорам трудового народа, иди работать на государственный завод. Хочешь, можешь даже не предавать земле своих руководящих покойников, но уж тогда, пожалуйста, не храни их в общественных местах. Заведи себе какое хочешь политбюро, требуй от него указаний, исполняй их с чувством глубокого и полного удовлетворения и рапортуй ему о принятии личных комплексных встречных планов. Пожалуйста!

Я торжественно обещаю не мешать тебе в этом, не оскорблять твои политические религиозные чувства и не смеяться над твоими святынями. Как не спорил я со своим ныне покойным дедом, членом КПСС с 1918 года, инвалидом войны, который меня спрашивал в 1990 году: «Вот ты в Японию съездил, как там люди живут? У нас с продуктами трудно, а там хоть крупы какой-нибудь можно достать? Небось в очередях томятся».

Но и ты отнесись с сочувствием и с пониманием к моему праву жить так, как хочется именно мне. А не тебе — при всем моем к тебе уважении.

На том давай и порешим. Ура!

Твой Игорь Свинаренко

Здравствуйте, дорогой читатель!

Мне кажется, я неплохо знаю Вас. Я вспоминаю свои командировки за время существования «Не дай Бог!». Иваново, Ярославль, Прага, Ашхабад, Лермонтов, Новочеркасск, Калуга, Новгород, Псков, Липецк...

Я встречался с Вами, читатель, уже в вагоне поезда дальнего следования и в салоне самолета. Я ходил по городу, где, может быть, родились Вы или гуляли, мой читатель. И пил, я думаю, то же, что Вы обычно пьете. Я глазел в этих командировках на Ваши, уважаемая читательница, ноги, и иногда за этим занятием я забывал, что приехал в Ваш город с прямо противоположной целью — бороться с коммунизмом. И украли у меня однажды в командировке то же, что предпочитают красть у Вас, — деньги... А может быть, это Вы, читатель, и украли у меня мои деньги.

И это Вы, читательница из поселка Семибратово Ярославской области, давно не спите по ночам и молитесь только о том, чтобы не победили коммунисты, потому что Вам кажется, что если победят, то неизвестно еще, что будет со мной, а вам это так небезразлично, потому что я Ваш сын.

А однажды я даже вынужден был подраться с Вами, читатель, потому что Вы возвращались из Чечни, были пьяны и начали избивать щупленького грузина, крича, что вырежете всех черных, и уже избили его до полусмерти ни за что. А один раз Вы, уважаемая пожилая читательница из Калуги, все перепутали и вышли на первомайский митинг с укрепленным на палке и картоне портретом Вашего кумира Геннадия Зюганова из газеты «Не дай Бог!». Вам казалось, что вы поддерживаете своего кумира. Но на вас наорали Ваши единомышленники, а Вы лепетали, что ошиблись, и даже заплакали. И мне было, честное слово, очень жалко Вас.

В общем, я, уважаемый читатель, все это время дышал одним с Вами воздухом.

И вот я дышал этим воздухом и влюбился в Вас, и спешу объясниться. Моя любовь свободна от времени и пространства, она не знает никаких границ. Вы, читатель, — хороший и разный. Вы обязательно проголосуете за Ельцина, и за Зюганова Вы тоже проголосуете. Я настолько сильно люблю Вас, что иногда я Вас ненавижу.

Мне кажется, Вы временами тоже тепло относились ко мне. И иногда я даже претендовал на ответную любовь. Так было, например, когда я вручил Вам мини-трактор (см. стр. 2) и Вы потом признались, что еще накануне ночью были на грани самоубийства, а теперь жизнь продолжается. И когда я в разных городах подолгу говорил с Вами, просто слушал Вас, а Вы облегчали душу, мне кажется, вы тоже любили меня.

Андрей Колесников

Как же я, девушка, любила получать письма! И я их получила. Тысяч пятнадцать за последние шесть недель. Читатели, ждущие «ответа, как соловей лета» (а среди вас были и такие), вы мне, наверное, завидуете. Да не завидуйте: это на самом деле — тяжелая работа.

Да здравствует единая и нерушимая всероссийская почтовая братия! Работают они здорово, иногда даже бесплатно. Мы получали письма без марок, в самодельных конвертах, склеенных из листков в клетку, в линейку и еще нарядные — из конфетных фантиков. Человеческий кал, любезно завернутый в фантики, приходил еще довольно свежим. Так что с полным основанием могу сказать: российская почта — самая быстрая и добрая почта из всех почт!

Читатели газеты «Не дай Бог!», вы же все, оказывается, писатели, а я, наоборот, — чтец или чтица (так тоже можно). Каких все-таки писем вы больше прислали почитать — добрых или злых? Больше всего желающих поехать в Прагу, то есть тех, кто участвует в конкурсе. Похоже, что им плевать, Зюганов — Мюганов, Ельцин — Мельцин. «Кататься хотим, — пишут они, — а голосовать не очень». Дорогие мои, надо все-таки себя заставлять. Иначе никто никуда не поедет.

А вообще, честно говоря, мы дико устали. Вчера принесли свеженький мешок с письмами, и, судя по всему, мы с вами еще долго не расстанемся. На нас обрушился шквал писем с пометкой «Помощи!». Это ко многому обязывает. Хотя есть среди них и такие:

«Прошу оказать материальную помощь в сумме восемьсот шестьдесят семь тысяч долларов. Просим также отремонтировать смеситель в ванной и взять нашу семью под защиту Совета Европы и ООН.

Многодетная семья Казаковых из Самары»

Но вы не обижайтесь. Я не такая злая девушка. На самом деле я всем вам страшно благодарна. Знаете, что я теперь думаю? Пусть всякие социологи прогнозы прогнозируют и опросы опрашивают, только этого мне не надо. Я сама теперь знаю, что КПРФ в выборах не победит. Потому что мы получили тысячи писем душевных, искренних, взволнованных и благодарных. И мы получаем их каждый день. И это, скажу я вам, приятно. Особенно мне, девушке Анне Сошниковой, заведующей отделом писем.

Газета «НЕ ДАЙ БОГ!» зарегистрирована Комитетом Российской Федерации по печати. Свидетельство № 014695. Учредитель — Московский региональный фонд поддержки первого Президента Российской Федерации. Москва, ул. Неглинная, 14. Индекс 32640. Тираж 10 000 000 экз. Отпечатано в ЕС.
Время подписания в печать: по графику 23.00, подписано 23.00. Адрес редакции: 125252, Москва, А/Я №50. Тел.: 943–9731, 943–9785. Главный редактор: Леонид Милославский. Редколлегия: Владимир Яковлев, Никита Голованов, Андрей Васильев, Игорь Свинаренко, Сергей Подлеснов, Сергей Мостовщиков, Андрей Колесников

Газета «Не дай Бог!» распространяется в следующих регионах России: Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Алтай (Горный Алтай), Республика Дагестан, Ингушская республика, Кабардино–Балкарская республика, Республика Калмыкия, Карачаево–Черкесская республика, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия, Республика Татарстан, Республика Тыва, Удмуртская республика, Республика Хакасия, Чеченская республика, Чувашская республика, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Камчатская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Пермская область, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Свердловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Челябинская область, Читинская область, Ярославская область, Еврейская автономная область, Агинский Бурятский автономный округ, Коми–Пермяцкий автономный округ, Корякский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Таймырский (Долгано–Ненецкий) автономный округ, Усть–Ордынский Бурятский автономный округ, Ханты–Мансийский автономный округ, Чукотский автономный округ, Эвенкийский автономный округ, Ямало–Ненецкий автономный округ